

УДК 13

**А. В. Борзова**

## ГУМАНИЗМ И ИСТОРИЯ

*Статья посвящена анализу концептуальных основ хайдеггеровской интерпретации европейского гуманизма в контексте феноменов историчности и историографичности.*

*Ключевые слова:* Хайдеггер, гуманизм, историчность, историографичность.

***Borzova Alexandra V. HUMANISM AND HISTORY (Far Eastern State Academy for Humanities and Social Studies).***

*The article is devoted to the analysis of the conceptual grounds of Heidegger's interpretation of European humanism in the context of the phenomena of historicity and historiography.*

***Keywords:*** Heidegger, humanism, historicity, historiography.

История — диалектика прерывности и непрерывности. Как писал Кьеркегор: «Чему бы ни научалось одно поколение от другого, истинно человеческому ни одно поколение не может научиться от предыдущего. В этом отношении каждое поколение начинает сначала...».<sup>1</sup> Сегодня велико внимание к поиску фундаментальных смыслов исторического бытия. Новая мировоззренческая основа бытия современного человека может быть найдена только под углом зрения историчности человеческого существования, посредством полного преобразования понимания мира и человека, ибо смысловые конструкции прежних культурных форм потеряли свою убедительность. В этой связи перспективы гуманизма оцениваются неоднозначно. С одной стороны, идет активная критика вплоть до утверждений о крушении, катастрофе, смерти гуманизма. С другой стороны, накоплены исследования, в которых рассматриваются различные модификации и обосновываются пути развития новоевропейского гуманизма; многие авторитетные мыслители не утратили веры в гуманистические ценности и идеалы, считая, что потенциал гуманизма как универсального антропологического феномена не исчерпан.

---

<sup>1</sup> Кьеркегор С. Страх и трепет / С. Кьеркегор; пер. Н.В. и С.А. Исаевых. М., 1993. — 383 с. — С.110.

Методологически плодотворным, на наш взгляд, является обращение к философским идеям М. Хайдеггера о гуманизме и кризисе гуманизма, основанными на его концепции фундаментальной онтологии. Хайдеггер задает вопрос: имеет ли смысл сегодня вообще сохранять слово гуманизм? Сохраняется ли сегодня за словом гуманизм та сущность, которую ему приписывают («чем является по своей идее»)? Слово «гуманизм» в традиционном экзистенциалистском понимании должно соответствовать сущности человека, и оно соответствует, оно имеет к ней отношение, но это — сущность, представляемая определенным образом, гуманистически. Гуманизм может осмысливать сущность человека только исходя из самого себя, безотносительно к истине бытия. Вопрос Хайдеггера — в чем сущность гуманизма, обозначаемого словом «гуманизм». Он рассматривает гуманизм не в горизонтальной, а вертикальной структуре временности, от уровня онтического до уровня онтологии. Есть онтологическая разница между сущим и бытием — бытие сущего не есть само сущее. Сущность человека — человечность, а человечность никак не может быть обозначена понятием «гуманизм». Человечность — феномен исторический, тогда как гуманизм — историографический момент человечности. Отсюда, категория историчности становится ведущей в хайдеггеровской интерпретации сущности гуманизма и его кризиса, которая, на наш взгляд, является сегодня методологически наиболее плодотворной. Поэтому, прежде чем говорить о критике гуманизма Хайдеггером, необходимо уточнить, что понимается под историчностью. Хайдеггер говорит о многозначности расхожего понимания истории: история — сущее, понятое как прошлое; или как прошедшее, но ещё воздействующее на настоящее; история может восприниматься как происхождение из прошедшего, и как прошедшее, но наличествующее в настоящем и т.д.<sup>1</sup> Но все это не относится к истинной истории как бытию, истории в онтологическом её понимании. Важно то, что аналитика историчности дана Хайдеггером в её взаимосвязи с онтологическим, а не с онтическим. Бытие принадлежит сущему, а сущее выступает из бытия. История как бытие — историчность, предполагающая сущностную взаимосвязь экзистенциальности и фактичности в *Dasein*. Историю необходимо рассматривать целостно. Фактичность истории — та часть бытия, которая осуществляется «на поверхности», она наблюдаема, изменчива, многообразна в своих формах и выражениях. Но процессуальное существование человека как таковое, исключительно в своей фактичности, ещё не имеет никакой значимости, не имеет смысла. Смысл заключен в истине бытия, и в ней заключается смысл истории. Именно в этом контексте можно говорить об историчности сущего, в том числе и об историчности гуманизма. «Мысль, ос-

---

<sup>1</sup> Хайдеггер, М. Бытие и время /Мартин Хайдеггер; пер. В.В. Бибихина. — М.: Республика, 1997. — 451 с.

мысливающая истину бытия в качестве мысли исторична» (М. Хайдеггер). История бытия не имеет отношения к «кругу чисто человеческих мнений», само бытие становится определяющим событием истории, а всякое мнение, происшествие, вся наблюдаемая и различным способом оцениваемая фактичность представляет собой историографию на фоне истории. Другими словами, историчность выступает метафизическим условием историографичности, при котором только и возможно осуществление истории, а не просто разговор о происшествиях.

Следует отметить, что о метафизических условиях истории писали многие авторы. Индивидуальный, неповторимый и непредсказуемый характер исторической действительности отмечают Дильтей, Зиммель, Шпенглер, Виндельбанд, Риккерт и др. Идеи этих авторов согласуются с хайдеггеровской концепцией историчности: идеей о судьбе бытия, о принадлежности к бытию, о «расположении» и «дарении» бытия. По Хайдеггеру, «есть, в более исходном осмыслении, история Бытия, которой принадлежит мысль как память этой истории, самую же историей осуществляемая. Такая память в корне отличается от подытоживающей фиксации истории как чего-то происшедшего и прошедшего». То есть все, что происходит в процессе развития человеческой цивилизации и культуры, все, что совершилось или совершается сейчас, принадлежит сфере историографии. Оно изменчиво, временно, непостоянно, преходяще, не онтологично и само по себе бессмысленно. Смысл — это то, что постоянно, то, что возобновляется как исходный творческий импульс, то, что онтологично и что может быть обозначено как бытие. Для истории нет прошлого. История — не происшествие, а событие, бытие. Существо истории — экзистенциальная онтологическая конструкция историчности. «Подлинная историчность Dasein означает его само-определение среди унаследованного поля онтических возможностей, которое осуществляется на основании "заступания" в смерть, позволяющего Dasein заново повторить историю в проекте собственной самости».<sup>1</sup>

Очевидно, что гуманизм в понимании Хайдеггера представляет собой одну из онтических возможностей бытия (истории). Среди множества вариантов понимания («историографии прошлых мнений») сущности человека — изменяющихся, преходящих, непостоянных — невозможно выделить одно, которое являлось бы онтологическим пониманием. На уровне онтического его просто не может быть. В целостном бытии человека есть некие онтологические основания его сущности, которые служат источником всевозможных онтических её проявлений. Хайдеггер занят поиском этих онтологических оснований, а не аналитикой потенциально бесконечного числа проявлений мета-

---

<sup>1</sup> Щитцова Т.В. Вопрос об отношении между поколениями в фундаментальной онтологии М.Хайдеггера // Вестник СамГУ. — 2006. — №5/1 (45). — С. 5-13.

физики. Что может быть отнесено к таким основаниям? В зарубежной и отечественной философской мысли существует методологический конструкт, по которому именно гуманизм и является родовым антропологическим качеством человека, предопределившим антропосоциогенез; он представляет собой универсальное явление человеческой природы: степень, уровень теоретического осознания и оценки гуманности — так, например гуманизм трактуется председателем Российского гуманистического общества В.А. Кувакиным.<sup>1</sup> Гуманизм здесь определяется как изменяющаяся мировоззренческая система, задающая критерии оценки отношения человека к самому себе в связи с наличием в нем человечности, тем самым обнаруживается вывод о тождественности гуманизма и человечности, о способности через содержание (сущность) гуманизма выразить сущность человека. Но, как справедливо отмечает Хайдеггер, человечность не может определяться через понятие «гуманизм», поскольку гуманизм ограничен в доступе к пониманию человеческой сущности. Эта ограниченность происходит из обусловленности гуманизма конкретными социокультурными условиями его осуществления в истории. Действительно, многообразие видов гуманизма, о котором сегодня пишут исследователи, свидетельствует о том, что гуманизм может быть описан только как феномен историографический. Обращает на себя внимание тот факт, что традиционным в аналитике гуманизма стало использование классификаций типов гуманизма. В качестве примера достаточно привести замечательную работу С.Л. Франка.<sup>2</sup> С. Франк характеризует ренессансный гуманизм, «оптимистический» гуманизм Просвещения, романтический, натуралистический, сатанинский (Маркса), христианский. Для Франка все это гуманизм, поскольку речь идет об осмыслении сущности человека, о вере в человека, просто сущность эта по-разному обосновывается, например, просветителями, романтиками и социалистами: первые в качестве сущности человека полагают разум, вторые — чувства, эстетизм, творчество; третьи — общественную, социальную природу личности. Франк, по сути дела, дает историографию европейского гуманизма. Но почему именно словом «гуманизм» выражается «забота о сущности человека»? Можно согласиться с тем, что гуманизм — «раздумье о человечности», но ведь не сама человечность. К тому же гуманизм в собственном смысле слова обосновывает не сущность человека, но достоинство человека в ряду других существ, его положение в бытии сущего, объясняет, почему следует верить в человека, причем, обоснование дает исходя из самого себя, выводит смысл сущего из сущего, то есть ничего не говорит об онтологии. Поэтому Хайдеггер разводит понятия

---

<sup>1</sup> См.: Кувакин В.А. Твой рай и ад : Человечность и бесчеловечность человека (Философия, психология и стиль мышления гуманизма). — СПб.: «Алетейя», М.: «Логос», 1998. — 360 с.

<sup>2</sup> Франк С. Л. Достоевский и кризис гуманизма (К 50-летию дня смерти Достоевского) // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 гг.: сборник статей.- М.: Книга, 1990. — 428 с. — С. 391-397.

гуманизма и человечности. Исторична человечность, гуманизм же историографичен, и никак не может быть историей человечности. Хайдеггер доказывает это, привлекая общеизвестные факты развития гуманизма как мировоззрения. Действительно, гуманизм в своей сущности — это всегда определенная реанимация римской античности (Цицерон), поскольку именно тогда «*humanitas*» впервые была отчетливо продумана и поставлена как цель. Ното *humanus* — это римлянин, совершенствующий и облагораживающий римскую добродетель с помощью философии, риторики, музыки и других искусств, воплощенных в греческой пайдейе позднего эллинизма. Человечность латинского гуманизма — римская добродетель, это первый в истории тип гуманизма, в котором человечность суть «римскость», человек — это человек-римлянин, который становится таковым через усвоение определенного круга знаний (*erudition*) и искусств (*bonas artes*). Итальянский Ренессанс возрождает и ставит в качестве цели конкретную форму человечности — римскую добродетель. События истории, в которых не наблюдалась человечность в позднеримском понимании, противопоставлялись гуманизму как варварские. В XVIII веке идеи *virtus* находят свое выражение в гуманизме Гёте, Шиллера, Винкельмана. Таким образом, по Хайдеггеру, к гуманизму в его историографическом понимании всегда относится «культивирование человечности», так или иначе обращенное к античности, различные формы реанимации греческого мира, античной пайдейи.

Итак, гуманизм — одна из множества онтических возможностей осуществления человечности в истории. Это один из путей осмысления человечности, основанный на определенной интерпретации свободы и природы. Поэтому гуманизм Маркса — это гуманизм, как и гуманизм Сартра, гуманизм христианства. Марксизм и экзистенциализм Сартра не нуждаются в возвращении к античности, но и тот и другой (также и христианство) используют принцип гуманизма в своем «раздумье о человечности» — «*humanitas* искомого *homo humanus* определяется на фоне какого-то уже утвердившегося истолкования природы, истории, мира, мироосновы, т.е. сущего в целом».<sup>1</sup> Гуманизм, обнаруживающий путь к человечности через осмысление свободы и природы, сам по себе не может быть основанием человечности и её историей. Представление о человечности в гуманизме зависит от принятого в данное время истолкования мира, т.е. исходит от самого человека, поэтому Хайдеггер и возвращается постоянно к мысли об ограниченности гуманизма в доступе к осмыслению сущности человека, ведь гуманизм сам лежит в области сущего. «Утвердившееся истолкование» природы, истории, мира и т.д., о котором говорит Хайдеггер, являющееся неотъемлемым фо-

---

<sup>1</sup> Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / Мартин Хайдеггер; пер с нем. // М. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления. — М.: Республика, 1993. — 447 с.

ном гуманизма, позволяет рассматривать гуманизм как некую систему социокультурных норм и ценностей. Гуманизм — это то, что осуществляется в реальных практиках человеческой жизнедеятельности и имеет в качестве снования определенные ценности и нормативы. Социальность во всех её функциональных системах составляет бытие гуманизма (в отличие от бытия человечности). Гуманизм — это истолкование человека, формирующееся исходя из конкретного культурно-исторического контекста, устоявшейся системы миропонимания, то есть это реальность сущего, происходящего. Уже тот факт, что, согласно современным научным работам, гуманизм изменяется — имеют место исследования о разных типах гуманизма, о его эволюции, деконструкции, о современном гуманизме, о новых типах гуманизма — говорит об имманентной ограниченности гуманизма реальностью настоящего, ограниченности не в смысле ущербности или неверности истолкования человечности, а самой природой отношений сферы сущего и истории. Для Хайдеггера ограниченность гуманизма в том, что гуманистическое истолкование человечности, формулируя собственное к ней отношение, не ставит вопроса об истинности положения человека в истории, всегда остается на уровне онтического, на уровне социокультурных нормативов и ценностей, то есть всего того, что по природе своей относительно и основывается на метафизических реальностях.

Таким образом, Хайдеггер доказывает, что основание человечности — не гуманизм. Важное место в «Письме о гуманизме» принадлежит размышлениям о существе человека и его истинности. Источник определения человечности — бытие. «То, что есть человек, — то есть, на традиционном языке метафизики, — сущность человека, — покоится в его экзистенции». Экзистенция как способ бытия присуща только человеку, поэтому бессмысленно говорить о сути бытия человека в его специфике по отношению к другим живым существам. Иначе мы получаем только нагромождение историографической и естественнонаучной информации «о своих свойствах и своих интригах», то есть можем осмыслить *animalitas* человека, совершенно не затрагивая *humanitas*. Хайдеггер приводит к выводу о том, что всякое историографическое определение сущности человека недостаточно, даже если в нем присутствует бессмертная душа, разумность, личностные черты, над телесностью надстраивается душа, над душой — дух, над духом — экзистенциальность. Такая конструкция — метафизический проект, в котором каждый раз сущность человека оказывается обойденной. Хайдеггер отличает свое понимание экзистенции как способа бытия человека от экзистенции как «термина, означающего действительное существование того, чем нечто является по своей идее». У Хайдеггера сущность человека как экзистирование означает экстатическое стояние в истине бытия, т.е. забота, забота о

постоянном возвращении человека его существу. Вопрос о явлении сущего в бытии решает не человек, для человека остается вопрос о соответствии осуществляемому событию истории. Проблема в том, соответствует ли гуманизм этому требованию бытия к человеку. Не человек, а бытие, истина бытия может определять сущность человека как человечность. Мышление гуманизма, по Хайдеггеру, метафизично, т.е. лежит в области сущего. Гуманизм объясняет бытие человечности как сущее из сущего. Всякая метафизика есть способ, которым определяется человечность человека, но не сама человечность. Поэтому всякий гуманизм (начиная с «первого» гуманизма — латинского) остается метафизичным, это всегда какая-либо интерпретация максимально обобщенной сущности человека как некоего «самопонятного» явления. То есть гуманизм берет в качестве основы самого себя, оставляя вопрос об истине бытия. Поэтому ни личностное, ни предметное толкование сущности человека не принимается Хайдеггером как истинное.

Для Хайдеггера определения сущности человека как личности, как духовно-душевно-телесного существа — определения гуманистические, причем, это «высшие гуманистические определения», и Хайдеггер подчеркивает, что он не стремится опровергнуть их или объявить ложными. Но определение человека как духовного существа, определение духовного бытия человека возможно только в его значении для человека, в его личном отношении, а все личностное и предметное «заслоняет суть бытийно-исторической экзистенции». Поэтому высшие гуманистические определения человеческого существа не достигают собственного достоинства человека, гуманизм ставит «хуманитас» человека недостаточно высоко, он мыслит от сущего и в ориентации на сущее.

Таким образом, проблема историчности гуманизма — проблема соответствия гуманизма истории бытия. На наш взгляд, кризис гуманизма сегодня связан с ограниченностью гуманизма в его способности давать ответ требованиям истории человечности. Гуманизм, будучи по своей природе онтическим феноменом, тем не менее онтологизирует человека, а именно — ренессансную модель человека. Гуманизм является одной из множества форм осуществления человечности, эта форма исторически обусловлена определенными социокультурными обстоятельствами, свое концептуальное выражение и реализацию получила в западной Европе эпохи Возрождения и Нового времени. Именно эту конкретную форму выражения человеческой сущности мы называем классическим гуманизмом. Сформированная в этот период метафизическая конструкция человечности обнаруживает свое содержание в системе основных ценностей, нормативов, социальных практик.

Таким образом, проблема историчности гуманизма не в том, что гуманизм изменяется под воздействием изменяющихся социокультурных усло-

вий и отсюда, различным образом осуществляется в тот или иной период истории — гуманизм Возрождения, гуманизм Просвещения, гуманизм Маркса и т. п. Ренессансно ориентированные мыслители потому и связывают кризис гуманизма с особенностями осуществления гуманизма в новых обстоятельствах, с невозможностью для человека конкретной исторической эпохи выразить собственную человеческую сущность «гуманистически» — например, в условиях массового общества. Осуществление — существо деятельности. «Осуществить значит: развернуть нечто до полноты его существа, вывести к этой полноте, про-из-вести. Поэтому осуществимо, собственно, только то, что уже есть» (Хайдеггер). Источник всякой деятельности — в бытии, сама деятельность воплощается в сфере сущего. Гуманизм — это то, что осуществляется «на поверхности» истории, источник же гуманизма — не сам гуманизм, а реальность другого, глубинного уровня бытия. Поэтому все, что сегодня подразумевается под словом «гуманизм», т.е. по существу, различного рода действия, деятельность, ценности и нормы, могут появиться и исчезнуть, начаться и закончиться, как любой объект историографии. Что касается истории, «история бытия, — пишет Хайдеггер, — никогда не в прошлом, она всегда впереди. Она несет на себе и определяет (...) всякую человеческую участь и ситуацию».

Таким образом, кризис гуманизма можно связать с проблемой предела осуществления гуманизма в истории. Сформированные гуманистами метафизические интерпретации сущности человека не ошибочны, но сущностный источник и пределы гуманистической метафизики обуславливают невозможность сведения оснований человечности к гуманизму. Homo animalis — предел гуманистической метафизики. Метафизика не осмысливает различие сущего и бытия. Хайдеггер ведет к тому, что гуманизм (любого типа), определяя сущность человека через отграничение человека как живого существа среди других живых существ — от растения, животного и Бога, — всегда сумеет таким образом высказать о человеке что-то верное. Но тем самым понимание сущности человека окончательно вытесняется в область нечеловеческого. Возьмем, например, определение сущности человека по отношению к жизни у М. Шелера. Шелер отмечает, что понятие «человек» в европейском сознании обязательно содержит круг греко-античных идей (то есть, по сути дела, гуманистические идеи) об особом положении человека среди других живых существ. Для Шелера понятие «метафизика человека», как и у Хайдеггера, означает «отличительное отношение человека как такового к мировой основе».<sup>1</sup> Но Хайдеггера интересует вопрос об источнике метафизических интерпретаций человека, при этом он критически относится

---

<sup>1</sup> Шелер М. Положение человека в космосе // Шелер, М. Избранные произведения / Макс Шелер; пер. с.нем.; под ред. Денежкина А.В. — М.: Изд-во «Гнозис», 1994. — 490 с. — С.152.



к понятиям, которые у Шелера являются сущностным отличием человеческого бытия. «Человек, — пишет Шелер, соединяет в себе все сущностные ступени наличного бытия вообще, а в особенности — жизни».<sup>1</sup> Это традиционный гуманистический тезис. По мнению Шелера, слово «человек» должно означать совокупность вещей, предельно противоположную понятию «животного вообще», и принцип «делающий человека человеком» несводим к жизни вообще, которая есть лишь частная манифестация основы всех вещей, которую Шелер называет духом. Дух есть предметность, способность определяться так-бытием (*Sosein*) самих вещей. Шелер доказывает противоположность духа и жизни, тем не менее, считает, что оба эти принципа необходимы в человеке друг для друга: дух идеирует жизнь, жизнь осуществляет дух. Таким образом, дух в концепции Шелера является источником метафизики. «Для нас основное отношение человека к мировой основе состоит в том, что эта основа непосредственно постигает и осуществляет себя в самом человеке, который как таковой и в качестве духовного, и в качестве живого существа есть всякий раз лишь частичный центр духа и порыва, принадлежащих сущему через себя».<sup>2</sup>

Хайдеггер, в рамках проблемы отношения сущего к истине бытия, затрагивает вопрос о том, что люди в принципе всегда представляют человека как живое существо, *homo animalis*, даже если его *anima* полагается как дух, или ум, а последний позднее — как субъект, личность. Для Хайдеггера важен вопрос, располагается ли вообще человеческое существо в измерении живого, как полагает метафизика. В силу этого полагания метафизика не домысливает исток человечности и обделяет вниманием существо человека. Через понятия природы, свободы и духа действительно даются высшие гуманистические определения сущности человека, когда характеристикой духовного бытия человека становится личная независимость, свобода от давления и принуждения «жизни», достижение подлинной внутренней духовной свободы. Но, как уже было сказано, высшие гуманистические определения ещё не достигают собственного достоинства человека. Тем самым Хайдеггер не защищает бесчеловечность, «мысль идет против гуманизма потому, что он ставит *humanitas* человека ещё недостаточно высоко».

Сегодня, несмотря на множество исследований проблемы кризиса гуманизма, предлагающих пути выхода из кризиса опять же в гуманизм, гуманизма становится все меньше. Понятие «гуманизм» само по себе нагружено смыслами собственной эпохи и собственной реальности, оно характеризует определенный историографический момент на фоне истории человеческого бытия. Сегодня историческая форма человека — другая, и слова нужны

---

<sup>1</sup> Там же, С. 139.

<sup>2</sup> Там же, С.190.

другие. Хайдеггер, рассуждая о кризисе гуманизма, подчеркивает, что язык — дом бытия. В попытке истолковать и привязать современного человека к человеку «гуманистическому» получается, что мы истолковываем наше мышление из горизонта мышления гуманизма, вместо того, чтобы «спокойно и трезво отнестись к собственной современности» (Р. Гвардини). Понять гуманизм, его кризис и человеческую ситуацию современности возможно только в контексте исторически ориентированного исследования, с учетом возможностей рассмотрения сущности человека в других, отличных от западноевропейской, перспективах.

## Литература

1. Кувакин В.А. Твой рай и ад: Человечность и бесчеловечность человека (Философия, психология и стиль мышления гуманизма). — СПб.: «Алетейя», М.: «Логос», 1998. — 360 с.
2. Кьеркегор С. Страх и трепет / С. Кьеркегор; пер. Н.В. и С.А. Исаевых. М., 1993. — 383 с. — С. 110.
3. Франк С. Л. Достоевский и кризис гуманизма (К 50-летию дня смерти Достоевского) // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931 гг.: сборник статей. — М.: Книга, 1990. — 428 с. — С. 391—397.
4. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // М. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления / Мартин Хайдеггер; пер с нем. — М.: Республика, 1993. — 447 с.
5. Хайдеггер, М. Бытие и время / Мартин Хайдеггер; пер. В.В. Биbihина. — М.: Республика, 1997. — 451 с.
6. Шелер М. Положении человека в космосе // Шелер, М. Избранные произведения / Макс Шелер; пер. с нем.; под ред. Денежкина А.В. — М.: Изд-во «Гнозис», 1994. — 490 с. — С. 152.
7. Щитцова Т.В. Вопрос об отношении между поколениями в фундаментальной онтологии М.Хайдеггера // Вестник СамГУ. — 2006. — №5/1 (45). — С. 5—13.